

— Я подумала, если ты решишь заключить династический брак, то пусть будет так, — с грустью сказала Лу Чжися, будто приняв важное решение. — Я поддержу любое твоё решение.

Затем последовала оговорка: если Шэнь Ваньцин не захочет, она готова сражаться бок о бок с ней. Лу Чжися отодвинулась, глядя ей в глаза:

— Я хочу, чтобы ты жила эгоистично, думала больше о себе.

Шэнь Ваньцин подняла подбородок, смотря на неё, её взгляд был глубоким:

— Эгоисты холодны и ранят многих.

— Если их ожидания строятся на тебе, я хочу, чтобы ты была холодной.

— А если я буду холодна к тебе, ты выдержишь? — с улыбкой спросила Шэнь Ваньцин.

— Хм.

Лу Чжися приблизилась, лоб к лбу, качая головой:

— Я согласна, делай что хочешь, но если я не захочу, твоя страсть ничего не изменит.

Скрытый смысл был в том, что она может быть холодна к ней. Лу Чжися повторила:

— Я говорила, что хочу, чтобы ты была по-настоящему счастлива. Если на пути к твоему счастью будут преграды, я разрушу их.

Шэнь Ваньцин рассмеялась, чего давно не делала, и с умыслом спросила:

— А если ты сама станешь преградой?

— Тогда я сама скачусь с горы и раздавлю тех, кто хочет тебя обидеть, и пролежу на них пятьсот лет.

— Ну, а потом?

— Потом будет «Путешествие на Запад», — она засмеялась, а Шэнь Ваньцин ущипнула её за ухо, с досадой сказав:

— Ты просто...

Она не знала, как с ней справляться. Ни хорошее, ни плохое не работало. Она думала, что овладела некоторыми навыками, но перед Лу Чжися Шэнь Ваньцин часто теряла контроль.

Её сердце и разум, прежде тесно связанные, были едины.

Теперь, когда дело касалось Лу Чжися, разум и чувства часто шли вразрез, готовые разойтись в любой момент.

О событиях прошлой ночи они снова поговорили. Шэнь Ваньцин обещала разобраться, а Лу Чжися согласилась сотрудничать.

— У меня только два условия: нельзя вредить тебе, и ты должна сказать мне результат, — Лу Чжися была мстительной, и с Гу Яньмином у неё теперь были счёты. — В прошлый раз он ударил меня...

Шэнь Ваньцин загорелась взглядом, и Лу Чжися поняла, что проговорила, засмеявшись.

Её тонкую талию ущипнули, и она с преувеличенной болью закричала:

— В общем, я с Гу Яньмином на ножах. Если представится возможность, я его ещё побью.

Когда Шэнь Ваньцин сказала, что драка — это низкий способ мести, Лу Чжися ответила, что знает, но бить людей просто приятно.

Шэнь Ваньцин с досадой ущипнула её за ухо, предупредив:

— В следующий раз, если будешь драться, сначала защити себя. Если вернёшься с синяками, я сама тебя отлуплю.

Лу Чжися рассмеялась, назвав Шэнь Ваньцин странной.

Другие, услышав о её драках, отговаривали, а Шэнь Ваньцин сказала, что надо побеждать.

Шэнь Ваньцин понимала, как и в экстремальных видах спорта, которые она любила. Другие отговаривали, а Лу Чжися говорила: я хочу с тобой, научи меня.

Лу Чжися чётко знала себя и заранее предупредила Шэнь Ваньцин, что может ещё нахулиганить, но будет извиняться.

Конечно, Лу Чжися надеялась, что Шэнь Ваньцин не будет скрывать от неё, добавив:

— Постарайся не скрывать.

— А ты? — спросила Шэнь Ваньцин. — У тебя действительно нет секретов?

Лу Чжися призналась, что есть. Она слезла с Шэнь Ваньцин и сказала:

— Пойдём домой, ляжем в кровать и поговорим, хорошо?

Шэнь Ваньцин встала, собрала вещи, Лу Чжися взяла сумку, выключила свет и они ушли.

Лу Чжися написала Янь Фанхуа, что не вернётся домой, а переночует у сестры.

[Янь Фанхуа]: Моя выставка скоро, ты точно придёшь?

[Янь Фанхуа]: Ваньцин точно придёт, так что тебе можно не приходить, чтобы вас снова не сфотографировали и не выложили в сеть.

Лу Чжися, сидя в машине, написала с недовольством:

— Конечно, я приду.

[Янь Фанхуа]: Если придёшь, скажи друзьям, чтобы предупредили, я оставлю билеты, иначе могут не достаться.

Лу Чжися спросила у всех, Е Ланьси пойдёт, Цзян Мэнлай и Цинь Чжэн тоже, Гуань Сюэхэ пока не уверена, но пусть оставит билет.

Затем Гуань Сюэхэ написала:

[Гуань Сюэхэ]: Босс, оставь мне два билета, спасибо.

Лу Чжися насторожилась и ответила:

— Что? У тебя роман?

[Гуань Сюэхэ]: Не выдумывай, это подруга Ваньцин. Из-за вторичной дифференциации я ей много раз помогала, может, мы ещё вместе пройдем через это, так что она тоже хочет пойти.

Лу Чжися спросила у Шэнь Ваньцин и вспомнила о Лин Сюань, а затем спросила:

— Элитный альфа при вторичной дифференциации может стать кем?

— Теоретически, может стать омегой.

Лу Чжися рассмеялась, сказав:

— Хорошо, хорошо.

Шэнь Ваньцин, глядя на её глупую улыбку, прямо сказала:

— Один соперник меньше, да?

Лу Чжися не стала отрицать, уверенно заявив:

— Если она станет омегой, это лучше, иначе она всё равно проиграет и побежит к маме.

Шэнь Ваньцин снова рассмеялась, Лу Чжися тоже улыбнулась. Она была счастлива, и Шэнь Ваньцин тоже.

Такая красивая, она выглядела ещё лучше, когда смеялась. Лу Чжися сейчас вспоминала, как Шэнь Ваньцин плакала, и её сердце сжималось.

Дома они разделились, чтобы принять душ, а затем отправились в лесной домик.

Лу Чжися запрыгнула на кровать, хлопая по ней, как будто она наконец женилась после многих лет одиночества, крича:

— Давай, давай!

Шэнь Ваньцин сбросила туфли и поднялась на кровать, а Лу Чжися тут же обняла её, нежно поглаживая, как маленькую, и ласково сказала:

— Сегодня ночью большая альфа будет обнимать тебя, трогательно, правда?

Шэнь Ваньцин шлёпнула её по руке, лежащей на подбородке, и сказала:

— Ты забыла, зачем мы вернулись?

Лу Чжися ахнула, продолжая обнимать её, зажав её ноги, удобно лёг и вздохнул:

— Ты такая маленькая. Спрашивай, спрашивай, я отвечу.

Шэнь Ваньцин почувствовала тепло, осенние ночи были комфортными в таких объятиях. Она кивнула, подумала и сказала:

— Тогда первый вопрос.

— Давай.

— Я заметила, что ты любишь смотреть в глазок перед сном, почему?

— Первый вопрос такой острый?

Лу Чжися опустила голову, уткнувшись в волосы Шэнь Ваньцин, её дыхание было медленным и глубоким. Через некоторое время она тихо сказала:

— Тогда я расскажу тебе то...

Она замолчала, кивнула, собравшись с мыслями:

— То, о чём никогда никому не говорила.

Возможно, в сердце каждого есть глубокие раны, о которых трудно говорить и которые нельзя трогать.

Это запретная зона, из которой невозможно выбраться самому, и куда не пускают других.

Пригласить кого-то войти в свой внутренний мир требует огромного мужества.

За все эти годы Лу Чжися только сейчас нашла в себе смелость открыть душу Шэнь Ваньцин. Она рассказала, как однажды через глазок увидела, как убивают её отца. Его мучительное выражение лица на кровавом фоне, как в фильме ужасов, напугало её до потери сознания.

Она не дала себе передумать, выпалив всё одним духом, а затем замолчала.

Через некоторое время Шэнь Ваньцин почувствовала, как плечи Лу Чжися дрожат.

Она нежно погладила её по спине, не говоря много. Перед такой огромной болью любые слова кажутся бесполезными.

Спустя годы Лу Чжися жаждала не утешительных слов.

Шэнь Ваньцин понимала её, поэтому, как с ребёнком, ласково гладила её по спине, пока та не заснула.

В жизни много несчастий, и кажется, что мир — это настоящий ад.

Родиться человеком — не награда, а испытание, которое нужно пройти, чтобы оказаться в этом мире.

У Шэнь Ваньцин было своё горе, и она услышала горе Лу Чжися.

Счастье похоже, а несчастья у всех разные.

В этот момент Шэнь Ваньцин словно немного освободилась.

Ей было тяжело, но те, кто казались благополучными, возможно, тоже страдали.

Характер Лу Чжися сформировался под влиянием прошлого. Видеть, как убивают отца, и ничего не мочь сделать, оставило в душе ребёнка кошмар.

Она не стала изгоем, а выросла в прекрасного переводчика, что удивительно.

Лу Чжися не идеальна, но разве в её сердце не живёт демон?

<http://bllate.org/book/15534/1381593>